

У Светланы оставалось три свободных недели до начала работы, и Стас уговорил слетать вдвоём в Крым. Раздобыл по знакомству две недорогие горящие турпутёвки, по которым три дня отводилось на Симферополь, три — на турбазу «Орлиный залёт» недалеко от Бахчисарая, несколько дней — на пешие походы по горам, и последнюю неделю — в современной по советским меркам гостинице в Севастополе.

Ту-154 перенёс их в аэропорт административного центра Крыма. В первый вечер перезнакомились со своей группой и сходили на танцы, там же, на симферопольской турбазе. На второй день сбежали от организованных экскурсий по городу, чтобы поскорее увидеть море. Зачем им «солнце в бокале», как назывался рейд с дегустацией по винным залам, когда можно немедленно окунуться в живое крымское солнце и море?! Сели в междугородный троллейбус, довёзший по живописному горному шоссе вдоль побережья до Алушты.

Пляж искать не пришлось, море поджидало повсюду рядом. Перво-наперво досыта накупались, оставив одежду на каменной стреле волнолома. Только потом сообразили, что приди волна покрупнее, прощай тогда вещички навсегда! К счастью, сегодня обошлось, царил полный штиль. Солёная вода держала, придавала невесомость телам и оказалась настолько прозрачна, что, опустив вниз лицо с открытыми глазами, можно было различить сквозь незамутнённую толщу камешки на дне, колыхание водорослей, редких рыбёшек, медлительных медуз.

Когда решили, что достаточно для начала, наведались в первую подвернувшуюся столовую. Потом уже неторопливо вернулись на пляж. С запасом крымского солнца ближе к закату неохотно собрались в обратный путь. Троллейбусы в это время года ходили на Симферополь каждые несколько минут. Дело в том, что линия не заканчивалась в этом городке, рогатые автобусы проходили через него транзитом, конечным же пунктом являлась Ялта, до которой от Алушты ехать пришлось бы ещё с час.

Стас показал Светлане, как правильно укладывать рюкзак в поход, чтобы никакие жёсткие предметы не упирались в спину, а центр тяжести переместился как можно ниже. Его самого этим

нехитрым, но нужным премудростям научили на военных сборах. Несколькими днями хождений по горам запомнились намного ярче проживания в забронированном гостиничном номере Севастополя, куда их доставили потом автобусом.

В походах они прошли горной тропой древнеримских легионеров, с обеих сторон к ним склонялись ветви высоких, как деревья, кустов кизила, усыпанные крупными спелыми ягодами. Чтобы меньше хотелось пить, для экономии взятого запаса воды они рвали их и набивали полные рты терпкой, с кисло-вяжущей на вкус мякотью, выплёвывая продолговатые, как мячики для липуцкого регби, мелкие косточки,

Они поднялись до почти горизонтальных вершинных плато, издавна называемых здесь яйлами, как просветил один из двух прикрепленных инструкторов. Крымские сосны остались ниже, а тут перед ними раскинулся луг с ярким альпийским разнотравьем. Оказавшийся среди них знаток показал по пути жёлтые цветки крымского лимонника и редкие колючие кусты барбариса с алыми ягодами.

Из глубокой расщелины, мимо которой пролегла тропа, внезапно показался край разрежённой белёсой дымки, затем вылез целиком, будто только что тут образовался, уплотнившийся на глазах клок тумана. Какое-то время он сопутствовал им на одном уровне, не опережая, но и не отставая, затем медленно взмыл вверх. А в том же самом месте над краем скалы, откуда он появился, точно за первым, возникло ещё одно воздушное подобие белой сахарной ваты.

— Это что же, настоящие облака? — наивно спросила немало изумлённая, как и все, молоденькая девушка из группы.

— Собственной персоной! — серьёзно подтвердил подрабатывавший в туристический сезон инструктором студент симферопольского вуза.

Теперь сомнений, что провал рядом как бы дышит, производя на свет непрерывную череду настоящих небесных барашков, ни у кого не возникало.

— Вот так и делаются белогривые лошадки, — тихо заметил Стас идущей следом Светлане. — Этого не увидишь даже на твоём останкинском «Седьмом небе»!

Зачарованная походит на мираж зрелищем спутница только признательно улыбнулась и слегка пожалала через рукав ветровки его предплечье. Забралась в такую высь, увидеть, как тут зарождаются облака, найти на альпийском лугу усыпанный пронзительно-алыми ягодами куст, словно награду для победивших высоту. . . Разве это не похоже на радостную встречу с самыми чудесными мечтами?

На туристском стане, ближе к закату безошибочно найденном проводниками среди сплошных сосен и кустарника, их поджидали палатки, которых с избытком хватило бы ещё на две-три группы. Внутри каждой обнаружались приготовленные для путников спальные мешки, чтоб не мёрзнуть в холодные карадагские ночи. Так что никто не мешал спокойно выбрать любую по своему вкусу. Стас и Светлана заняли вдвоём приглянувшуюся четырёхместную.

После ужина посидели на поляне у обязательного вечернего костра; один из проводников захватил с последней турбазы гитару, но именно сегодня петь никому не хотелось. Густо усыпанное звёздами высокое небо широко распахнулось над Кара-Дагом. Станислав предполагал, что где-то неподалёку должна находиться одна из лучших астрофизических обсерваторий в мире, он хорошо помнил марку из альбома-кляссера школьных лет с изображением её солнечного телескопа. Уточнить у студента-симферопольца он не стал: какое сейчас это имело значение?

В этот раз долго не сидели, за день все умотались, да и требовалось хорошенько выспаться перед завтрашней дорогой. Стас и Светлана нашли любимую ими палатку, разделись догола и по очереди залезли в один спальник, хотя в палатке имелись и другие. Эта ночёвка на горном привале могла бы остаться не только одним из самых незабываемых, но и приятных воспоминаний, если бы не блохи, а может, другие неведомые насекомые из ватной подкладки внутри мешка. До утра они успели перекусать ноги обоим, не дали полностью насладиться близостью друг друга в тесноте мешка и хоть немного отдохнуть, как бы того хотелось.

Под утро Стас выбрался наружу, чтобы отлить и принести заодно воды с кухни для захотевшей попить Светланы. Едва народившийся лесной рассвет призрачно обрисовывал палатки с обступившими место ночёвки высокими соснами. Как он помнил, казан чая с вечера находился около печки под сплетённой из сухих веток и соломы крышей на двух врытых в землю столбах. Стен у здешней столовой не имелось вовсе, точнее, одну всё-таки изображали кусты, вплотную примыкавшие к длинному столу и полкам с посудой.

Пока Стас справлял нужду, отойдя подальше от стана, из-под навеса от печки доносилось приглушённое бряканье кастрюлями. Если кому-то захотелось попить, чего же так безбожно греметь?

Звуки не прекращались и даже усилились. Эта бестолочь всех сейчас на ноги поднимет! Возмущённый до глубины души Стас сделал несколько шагов в том направлении и остановился.

В падавшем сверху скудном сером свете он различил мохнатую нечеловечески приземистую фигуру, неловко орудовавшую среди протестующей в ответ посуды. Некто внушительный и низкорослый, согнувшись над кухонной утварью, беззастенчиво хозяйничал у печи, переворачивая всё, что попадалось, в поисках съедобного по его понятиям. Откуда ему было знать, что голодные после марш-броска по горам туристы не оставили с ужина ничего, кроме кастрюли с чаем?! Издаваемое при этом глухое недовольное ворчание чередовалось с громким фырканьем неизвещного. Подробно разглядеть, кого там принесло, не удалось, но у Стаса не осталось сомнений, что перед ним настоящий медведь. Приближаться или шуметь, чтобы отпугнуть непрошеного гостя, он благоразумно не стал, а поспешил напрямиком к палатке инструкторов. Разбудить их сразу не удалось; когда заспанные, ничего не понимающие ребята наконец выскочили наружу, ёжась от утренней свежести, попытался в двух словах объяснить суть происходящего. Пока, вооружившись ножами и палками, втроём поспешили к месту происшествия, потеряли ещё какое-то время.

В поминутно набиравшем силу свечении неба никого возле палаток и под окружающими деревьями уже не увидели. Только опрокинутые полки со скамьёй да разбросанный по земле, частью примятый алюминиевый инвентарь доказывали, что таинственный мародёр Станиславу не померещился. Прочесали все заросли вокруг, но виновника переполоха и след простыл.

Всё же инструкторы полностью не поверили его рассказу, предположив, что к ним наведался дикий кабан, а не медведь, хотя ни того, ни другого они сами прежде здесь не встречали. Но и на смех не подумали поднимать. Однако Стас упорствовал на своём: какой кабан мог шарить по пустым кастрюлям и мять лёгкий металл тарелок — копытами, что ли? Что за бред! Тогда земля вокруг осталась бы взрытой его конечностями, но никаких следов никто нигде не оставил. Скорее Станислав согласился бы, что к ним наведался реликтовый гуаноид. Впрочем, что бы ни утверждали местные знатоки, он остался при своём первом мнении.

А вот Света ему сразу поверила и даже сначала испугалась за него. Но потом при свете дня принялась подшучивать: пошёл, мол, в лес посикать, нарвался на медведя, заодно и. . . Стас на неё не обижался: неизвестно, как бы она повела себя на его месте. Одно представлялось ясным: такой случай больше не представится.

По Чёртовой лестнице, крутой извилистой тропе в поросшей деревьями и кустарником теснине

меж скал, всего за полчаса спустились всей группой на побережье, почти к самому морю. Именно этим путём, как сообщал в одном из писем Пушкин, он со спутниками взобрался наверх, держась за хвост осла. Поведавший о том перед спуском инструктор с гордостью сообщил, что только здесь, в Крыму, можно за такой короткий отрезок времени пересечь разные климатические пояса — от умеренно континентального наверху в горах до полусухих субтропиков в самом низу, увидеть необыкновенное разнообразие растений — от альпийских яйл, крымской сосны, дубовых и буковых лесов до пальм и кипарисов взморья. Похоже, со времён Александра Сергеевича здесь многое изменилось, и не только из-заливней и землетрясений, — теперь по узкому проходу среди отвесных скал вряд ли кто смог бы провести лошадь или осла.

Сначала пришлось пересечь дорогу к Мухалатке, миновать облезлый магазинчик с крыльцом и несколькими рассохшимися ступеньками, нечто вроде избушки без курьих ножек. Впрочем, сельмаг подвернулся очень кстати, там приобрели несколько бутылок качественного недорогого вина местного производства. Станислав ни минуты не сомневался, что их сопровождавшие нарочно выбрали путь через магазин.

Напротив деревянного торгового центра прямо на земле сидели четверо уже знакомых инструкторов из других групп. Перед ними на расстеленных газетах сквозь янтарные грозди винограда просвечивало утреннее солнце, рядом возвышались горки сине-чёрных слив и желтобоких спелых груш. По виду предприимчивых продавцов становилось понятно, что в магазинчике они успели побывать значительно раньше них, возможно, не один раз. А теперь разбили по соседству свой небольшой базарчик, чтобы добыть средства для продолжения начатого. Нашлись в группе прикупившие у них тут же по дешёвке манящие своим видом крымские дары.

Среди рассеявшихся выделялся высокий широкоплечий Олег: на студента, даже заочника, он вряд ли походил. Спортивного телосложения, длиннорукий, с точёными чертами лица, словно со скульптурных портретов деятелей Древнего Рима, наверняка душа любой компании, а заодно любитель пошуметь и подраться. А запомнился он Стасу по совместному сидению у традиционного костра на одном из привалов, когда сошлись несколько туристических групп. Каждый выпиваемый стакан вина сопровождался Олеговым громогласным: «Джа-а-а-а!» — с немедленным захватом подмышку головы сидящей рядом покорной девушки для занюхивания её причёской. Вероятно, своим разрывающим всё вокруг криком тот стремился устранить малейшие сомнения собравшихся, что перед ними самый разнастоящий каратист. Их инструктор, посмеиваясь, заметил потом, что это

ещё пустяки. А вот высоко в горах, где нет гасящего звуки леса, эхо не только громко отзывается, но и долго не затихает, усиливая эффект почтиже всякого микрофона. Станислав поинтересовался тогда, не отвечает ли оно исключительно матом, но сопровождавший юмора его не воспринял.

Несомненно, эти ребятки пошарили с утра по местным садам, чем и объяснялись разнообразие и дешевизна предлагаемых плодов здешней земли. Стас попытался проверить свою догадку у симферопольца, неплохо знавшего Олега и остальных предпринимателей, но более ответственно относившегося к своей сезонной работе проводником. Ну да, подтвердил тот, эти знают, у кого экспроприровать, мало ли куркулей вокруг, а они здесь за несколько лет все партизанские тропы исходили вдоль и поперёк. Станислав нисколько в том не сомневался. Посеянное когда-то большевиками продолжало давать свои всходы даже спустя много лет и в таком чудесном месте.

Уже на обратном пути, под вечер, они узнали, что незадолго до их возвращения перебравшие вина проводники-торгаши устроили побоище с местными. Возможно, уроженцы этих мест считали пришлых наглými ворами, с которыми решили разобратсья. Прежде, чем всех зачинщиков увёз вызванный кем-то милицейский фургон, дерущиеся успели разнести никому не мешавшее крыльцо живописного сельмага, использовав доски ступеней в виде грозного оружия. Закономерный исход бучи, затеянной наверняка не без самого активного участия баламута Олега, заставлял поверить в существование высшей справедливости.

Утром же после магазина собственные, более сознательные, чем их приятели, провожатые, оставив за спинами стихийный торг с нетрезвыми самочинными продавцами, торопливо повели группу дальше к известной им цели. Вскоре они достигли сказочной живописной бухты, заботливо укрытой обступавшими по дуге скалами. Жаль только, и здесь пляж оказался галечным.

Стас и Светлана поплыли отдельно от остальных. Ясное светлое небо без единого облачка над щедро распахнутым до горизонта морским простором и пьянящий первозданный воздух, незнакомый с промышленным чадом городов, сообщали обоим чувство избытка собственных сил. А вид чётко различного сквозь прозрачную толщу дна с мельчайшими подробностями таинственной подводной жизни завораживал. Невесомость парения над обозреваемой глубиной подарила им ощущение полёта. словно всё в безлюдном до их появления райском уголке, начиная с яркого солнца, рассыпанного бликами по едва колеблющейся водной поверхности, наделяло угодивших сюда неисчерпаемым зарядом энергии.

Как только они дружно без уговора повернули назад к берегу, картина резко изменилась. Тихая

вода казалась теперь абсолютно чёрной из-за отражения береговых скал, но в этом не усматривалось ни мрачного, ни зловещего. Напротив, открывшееся с изменённого угла зрения щемящее очарование удалённой бухты вызвало у Светы и Стаса новый неукротимый восторг. Никогда и нигде ещё они не находили ничего подобного увиденному сейчас.

Необычность обстановки будто подтолкнула его. Совершенно неожиданно, отплёвываясь от попавшей в рот солёной воды, Стас незамедлительно признался Светлане, как много она для него значит и он точно не хочет никогда больше расставаться с нею. В ответ же услышал порадовавший его не менее искренний ответ и счастливый смех. словно дикая красота чудесного места одновременно затронула в них молчавшие до того струны откровения. Намеренно соврать или ошибиться ненароком здесь, под высоким небом посреди чудесной бухты у вековых скал, представлялось невозможным.

Когда, накупавшись до изнеможения, все собрались на берегу и выложили на расстеленных для общего пира полотенцах собранные припасы, Станислав и Света окончательно закрепили своё недавнее решение как специально для такого случая удачно прихваченным янтарным крымским вином из сельмага.

Светлана перебралась к нему задолго до официальной регистрации.

Даже до того, как её начало тошнить по утрам с изменением чувствительности к вкусам и запахам, а визит к гинекологу закончился постановкой на учёт. Стас настоял на том, захваченный с головой их умопомрачительной близостью. Она не возражала, с радостью приняв его довод, что они подходят друг другу, как «ключик к замочку». Он мог бы уговорить её прервать беременность, пока сроки позволяли, сама Света не особенно горела желанием стать сейчас мамой. Но Стас убедил, настоял, заверил, что не только она ему нужна, но также будущий ребёнок, который ещё в большей степени сблизит и соединит их на всю дальнейшую жизнь. Света согласилась только при одном условии: поскорее вернуться к работе в издательстве после родов; теперь она чувствовала себя независимым человеком с высшим образованием и очень не хотела лишиться престижного места. Стас охотно пообещал, тем более Светлана уверила, что её мама обязательно станет помогать с ребёнком, а ему останется роль основного добытчика.

Вскоре пришлось ехать к Светиной маме Нине Васильевне, не только знакомиться, чего Стас успешно избегал до сих пор, но заодно и обрадовать, что скоро сделают её тещей и бабушкой одновременно. Мгновенно пролетевшие три недели в Тавриде накрепко соединили их, не оставив сомнений в возможности другого решения.